

— Фэнчэнь, — с улыбкой произнес я. Прохладный ночной ветер уже приятно холодил босые ступни. — Живя здесь, в Священных Вратах, неужто ты никогда не думал о том, чтобы вернуться в мирскую суету, в этот вечный круговорот ветра и пыли?

Похоже, вчерашний незнакомец перевязал меня, пока я лежал без сознания, а значит, он успел рассмотреть мои уродливые шрамы.

От этой мысли внутри рождалось странное, колющее чувство неловкости.

— Коль так, — Бу Фэнчэнь едва заметно улыбнулся, и в его негромком голосе послышалась мягкая прохлада, — то для кого же поет небо, даря тебе имя Тяньгэ?

Он помолчал мгновение, а затем добавил:

— Ночные ветры коварны, тебе лучше поскорее вернуться. Дикая звери здесь водятся, но они не станут нападать на человека без причины, как тот медведь. Дорога до твоей обители теперь безопасна.

— Выходит, хищники на Священной горе хоть и есть, но людей они обычно не трогают? — усмехнулся я.

Если так, то мне чертовски повезло — встретить в первый же день именно бешеного зверя.

Бу Фэнчэнь скользнул по мне взглядом. На мгновение его лицо выразило легкое замешательство, но тут же сменилось пониманием, словно он догадался о чем-то, мне недоступном. Я так и не понял, что промелькнуло в его мыслях.

Он лишь слегка улыбнулся и обронил:

— Пожалуй, можно сказать и так.

— Твои раны... — Он запнулся на полуслове, а затем продолжил: — Уже поздно. Завтра на закате возвращайся сюда через персиковый сад, я осматрю твои увечья.

Не дожидаясь ответа, Бу Фэнчэнь развернулся и скрылся в тени рощи у водопада. Я остался стоять один, глядя ему вслед, и в голове почему-то завертелось единственное слово: «Выпендрёжник».

Бу Фэнчэнь... Был ли вчерашний незнакомец тоже из Священных Врат?

Стоило мне вернуться из персикового сада, как этот белоснежный силуэт прочно обосновался в моих мыслях. Избавиться от него не получалось. На этой исполинской горе все принадлежали к Священным Вратам, но я нутром чуял: Бу Фэнчэнь — далеко не рядовой адепт.

В Священных Вратах было девять ступеней — девять врат, и на каждой обитали совершенно разные люди. Обитель раскинулась на тысячи ли, взрастив бесчисленное множество учеников. К каким же вратам принадлежал этот загадочный человек? Жил ли он за персиковым садом постоянно или просто забрел туда случайно, подарив мне мимолетную встречу?

Ночью во тьме блуждать по незнакомым местам было безумием. Но едва рассвело, я уже не мог усидеть на месте. Не желая томиться до заката, я подхватил старый, щербатый меч и побрел обратно к персиковому саду. Пусть вчера обратный путь обошелся без происшествий, пережитый кошмар все еще преследовал меня, а рана на затылке тоскливо поднывала. Береженого бог бережет — с оружием, пусть и никуда не годным, на душе было спокойнее.

Горы стояли вековыми исполинами, реки несли свои чистые воды, а цветы персика все так же пышно цвели, точно смеясь навстречу солнцу.

Лепестки кружились в воздухе, осыпаясь нежным, душистым дождем.

Миновав Персиковый сад, я двинулся вверх по течению ручья. Выйдя на рассвете, я добрался до вчерашнего величавого водопада лишь к полудню.

Грохот низвергающейся воды оглушал. Потоки разбивались о камни, вздымая мириады брызг, и влажная дымка окутывала ущелье, превращая его в обитель небожителей. До сумерек оставалось еще долго, так что вчерашнего купальщика нигде не было видно.

Не останавливаясь перевести дух, я пошел туда, где скрылся Бу Фэнчэнь, сгорая от любопытства: что же скрывается дальше?

Продираясь сквозь густые заросли, я вскоре понял, что тропа оборвалась. Впереди зияла бездонная пропасть. Яростный, холодный ветер свистел в ушах, норовя швырнуть меня в пучину. Сколько я ни вглядывался вниз, сквозь плотную завесу тумана невозможно было разглядеть дно ущелья.

Окружающие вершины тонули во влажных облаках, и за обрывом расстиралось лишь бесконечное белое марево. Непонятно было, что там, на той стороне — пустой небосвод, другая вершина или бескрайнее море.

Но вчера Бу Фэнчэнь ушел именно сюда. Раз здесь тупик, как он перебрался на ту сторону? Куда скрылся? Я побродил по окрестностям, но не нашел и намека на человеческое жилье: ни фруктовых деревьев, ни лачуги, ни старого кострища. Это место было первозданно диким.

«Быть может, слухи правдивы, и мастера Священных Врат действительно умеют летать на ветру?» — подумал я.

Если так, мой вчерашний знакомый мог давно умчаться за облака. Но что тогда искал здесь я сам?

«Простое любопытство», — попытался я убедить себя, хотя в глубине души заскреблась легкая досада.

Странное, непривычное чувство. Познавший горечь предательств и интриг мирской жизни, я давно зарекся к чему-либо привязываться. Всё суета. Нужно уметь отпустить и довериться судьбе, не пытаясь плыть против течения.

Усталость после долгого пути дала о себе знать. Я обернулся к ревущему водопаду, и перед глазами невольно возникла вчерашняя картина: обнаженный мужчина в объятиях ревущего потока. Завороженно глядя на низвергающуюся белую стену воды, я, словно околдованный, медленно побрел к реке.

Вода обжигала холодом, но пока солнце не скрылось за горизонтом, терпеть было можно. Пропотевшая, липнущая к телу одежда раздражала, так что я без колебаний скинул сапоги, разделся донага и ступил в реку. Струи, добравшиеся до поясницы, отозвались во всем теле приятной дрожью.

В мягких лучах предзакатного солнца речная гладь искрилась золотом. На берегу сиротливо белели обрывки старых бинтов. Зачерпнув пригоршню хрустальной влаги, я пролил её себе на макушку. Прохладные струи потекли по шее и плечам, омывая жуткие, рваные рубцы — память о сокрушительном ударе Небесного грома, — и с тихим плеском соскальзывали обратно в реку, рождая мелкую рябь.

Я опустил взгляд и уставился на свое отражение в зыбком зеркале воды. Оттуда на меня смотрел мужчина с резким, волевым лицом. Тонкие, косо взлетающие к вискам брови, узкие пронзительные глаза, подернутые льдом равнодушия, и бледные губы, тонкие, словно лезвие клинка. В былые времена меня можно было назвать привлекательным, но теперь щеки и лоб пересекали багровые шрамы, безжалостно изуродовавшие былую красоту.

Кончики пальцев скользнули по грубым, неровным краям рубца на щеке. От этого прикосновения Чоу Тяньгэ невольно поморщился. Не желая больше смотреть на свое увечье, я отвернулся от отражения и устремил взор на бушующий водопад. Смог бы я, встав под этот яростный поток, низвергающийся с самых небес, выстоять так же легко и непринужденно, как вчера выстоял Бу Фэнчэнь?